

Секция «Государственное и муниципальное управление»

Дело об антипартийной типографии троцкистской оппозиции

Кузьминых Яков Сергеевич

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
государственного управления, Куржач, Россия*

E-mail: yakuzminykh@yandex.ru

В современной России с каждым годом все большее признание получает институт политической оппозиции.

С одной стороны, развитие демократии и становление гражданского общества невозможно без нормального функционирования института оппозиции. С другой стороны, в сфере государственного управления наметились явные тенденции вытеснения оппозиции из ряда форм воздействия на органы власти. Так, любые попытки оппозиции реализовать свои законные права натываются на обвинение в намерениях спровоцировать общественные беспорядки и всевозможные противодействия: снятие с выборов, отказ в регистрации и т.п.

Похожая ситуация уже имела место в отечественной истории, когда в период 1920-х гг. на политической арене Советского государства существовали различные фракционные группы большевистской партии. Большое влияние на ход внутрипартийной борьбы оказывала т.н. троцкистская оппозиция, противопоставившая генеральной линии ЦК свою идейную программу по основным вопросам социалистического строительства.

В октябре 1926 г. под давлением «партийных верхов» оппозиция вынуждена была подписать заявление о прекращении своей фракционной деятельности. Но на практике внутрипартийная борьба стала набирать еще большие обороты.

После ряда выступлений оппозиции, объединенный пленум ЦК ВКП(б) и ЦКК, который проходил с 29 июля по 9 августа 1927 г. предложил исключить оппозиционеров из партии. Не ожидая такого стечения обстоятельств, лидеры оппозиции сделали заявление от 8 августа 1927 г., в котором отказывались от продолжения борьбы.

Августовский пленум так же постановил, что XV съезд ВКП(б) состоится в декабре 1927 г. Обычно перед съездом публикуются тезисы ЦК по всем актуальным вопросам, а также платформы групп коммунистов, несогласных с официальной линией ЦК.

Руководствуясь этим внутрипартийным законом, оппозиция в начале сентября 1927 г., подготовила пакет своих предложений к XV съезду партии. И.В. Сталин и его сторонники не могли допустить, чтобы платформа их оппонентов встретила поддержку рабочих и крестьян. Решением Политбюро от 8 сентября 1927 года оппозиции было отказано в печати.

В одном из материалов к дискуссии, оппозицией была распространена листовка следующего содержания: «Большинство не имеет права помешать меньшинству высказывать свои мысли и бороться этим путем за то, чтобы стать большинством»[4].

Оппозиция столкнулась с проблемой напечатания и распространения своего проекта. По понятным причинам ни одна типография их заказов не принимала, поэтому лидерам оппозиционного лагеря пришлось прибегнуть к кустарному способу изготовления документов. Вскоре информация об этом дошла не только до ЦК, но и до ОГПУ. Произошло это следующим образом.

13 сентября 1927 г. агенты ОГПУ прислали в ЦКК извещение о том, что 12 сентября к одному из бывших офицеров армии П.Н. Врангеля обратился беспартийный Т.В. Щербаков с предложением достать шапирограф. Почти в то же время к офицеру обратился беспартийный П.И. Тверской, «оказавшийся в ближайших связях с Щербаковым, с сообщениями об организации военного переворота в СССР в ближайшем будущем».

В соответствии с инструкцией и означенной информацией ОГПУ произвело обыск на квартире Т.В. Щербакова, «причем здесь была обнаружена нелегальная типография, печатавшая запрещенные партией антипартийные документы оппозиции»[3].

Агенты ОГПУ арестовали всех замешанных в этом деле беспартийных. Но в виду особого характера дела, ОГПУ вынуждено было произвести обыск и у членов партии, которые «оказались в непосредственных связях с нелегальной организацией Щербакова-Тверского»[3].

Из этого сообщения вытекает, что Т.В. Щербаков, участвовавший в работе оппозиционной типографии, обращался по делу о шапирографе к бывшему белогвардейскому офицеру. К тому же офицеру обращался П.И. Тверской, не имеющий никакого отношения к типографии, «с сообщениями об организации военного переворота» в Советском государстве.

Таким образом, перед ЦКК оказалось два дела: дело об оппозиционной печати и дело о военном заговоре. Чем или кем связаны эти два дела? Ответ ясен из содержания извещения: фигурой врангелевского офицера.

15 сентября лидеры оппозиционного движения – Е.А. Преображенский, Л.П. Серебряков и Я.В. Шаров – отправили в Политбюро, в Президиум ЦКК и председателю ОГПУ письмо, в котором заявили, что являются политически ответственными за дело нелегальной типографии и его организаторами, «а не случайно связанные с этим беспартийные»[2].

Другие участники оппозиции – Г. Зиновьев, И. Смилга и А. Петерсон – обратились ко всем партийным организациям с заявлением, в котором критически проанализировали дело об антипартийной типографии и отправили запрос на имя председателя ОГПУ о личности белогвардейского офицера, следствие, вокруг которого собственно и началось.

27 сентября 1927 г. председатель ОГПУ В.Р. Менжинский в своем ответе на заявление Зиновьева, Смилги и Петерсона написал, что бывший офицер армии П.Н. Врангеля не арестован, потому что он «помог уже не раз ОГПУ раскрыть белогвардейские заговоры»[2].

Таким образом, сообщение ОГПУ от 13 сентября устанавливало, что между оппозиционной типографией и военным заговором существовала связь в лице бывшего белогвардейского офицера. Сообщение же председателя ОГПУ от 27 сентября признает, что врангелевский офицер есть агент ОГПУ. Именно агентом ОГПУ олицетворяется связь между нелегальной типографией и военным заговором.

Но остается нерешенный вопрос. Что это за «нелегальная организация Щербакова-Тверского»? Ни в первом, ни во втором документе ОГПУ ответа на этот вопрос нет.

Когда обвиняемые члены партии потребовали оглашения показаний П.И. Тверского, то Президиум ЦКК «отказал им в этом на том основании, что Тверской и его показания не имеют никакого отношения к разбираемому делу об оппозиционной печати»[3].

Тогда участники оппозиции составили коллективное обращение в Президиум ЦКК, с требованием выдать им документы, относящихся к делу о типографии троцкистской

оппозиции. 29 сентября 1927 г. члены Президиума ЦКК ВКП(б) рассмотрев данный запрос постановили: «выдачу копий показаний допрошенных ОГПУ лиц признать нецелесообразной»[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что ОГПУ никаких материалов в ЦКК не пересылало, т.к. само ими не располагало.

Что касается дела о «подпольной типографии», то ответ держали 14 членов партии, 12 из которых были исключены[3].

Что касается заявления Е.А. Преображенского, Л.П. Серебрякова и Я.В. Шарова, то по этому поводу 13 октября 1927 г. состоялось заседание Президиума ЦКК, которое постановило исключить авторов заявления из ВКП(б) за организацию нелегальной антипартийной типографии[5]. Политбюро ЦК, заседавшее в этот же день, постановило «согласиться с решением Президиума ЦКК»[1].

Проведенное исследование показало, что участники внутрипартийной борьбы так и не смогли выработать общую схему действий и прийти к консенсусу. Нарастающий партийный монизм и дальнейшее средоточие власти в руках И.В. Сталина сделали плюрализм мнений невозможным. Все это привело к уничтожению всякой оппозиции, процесс которого был начат осенью 1927 года.

Литература

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 655.
2. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 188.
3. РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 34.
4. РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 16.
5. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 125.